

ПЕРЕКЛАДОЗНАВЧІ СТУДІЇ

УДК 811.111

Е.В. СЛАСНАЯ,

*преподаватель английского языка
цикловой комиссии «Социально-гуманитарных дисциплин»
факультета экономики и предпринимательства
Славянского колледжа Национального авиационного университета*

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ИМПЛИЦИТНОГО ОТРИЦАНИЯ

В статье рассматриваются основные средства выражения имплицитного отрицания и условия его экспликации.

Ключевые слова: отрицание, имплицитное отрицание, модальность, субъективная модальность, контекст, коммуникация, речевые акты, экспликация.

Предметом данного исследования является перевод имплицитного отрицания как средства выражения субъективной модальности.

Отрицание относится к универсальным языковым категориям, имеющимся во всех известных языках на всех этапах их эволюции. Противоречивые подходы к определению сущности отрицания обусловлены многогранностью этого языкового феномена, его взаимодействием с другими категориями – предикативностью, модальностью, оценкой и т. д.

Сложный и разносторонний характер взаимоотношений модальности и отрицания стал предметом рассмотрения многих отечественных и зарубежных исследователей [1; 2; 3; 4; 5].

По мнению Ф. де Хаана, сложность данных категорий состоит в их взаимопроницаемости, взаимодействии друг с другом и с другими категориями лингвистики [3]. Ш. Балли, анализируя высказывание, полагает, что в любом высказывании содержится отношение противоречия: основное содержание (диктум) и модальный компонент (модус). При этом подчёркивается, что модусы бывают двух видов – эксплицитные и имплицитные [6]. А.М. Пешковский в своих исследованиях указывает на условность разграничения объективной и субъективной модальности [7]. Как видим, в работах указанных учёных выражается различное понимание сущности категорий модальности и отрицания.

В частности, это объяснимо тем, что модальность отражает соотношение категорий языка и мышления. Особый интерес при анализе отрицания в коммуникативно-прагматическом аспекте вызывают высказывания с имплицитным содержательным компонентом, так как именно имплицитная форма выражения содержания высказывания позволяет выявить дополнительные оттенки значения модальности (прежде всего, это характерно для субъективной модальности).

Субъективная модальность достаточно широка по своему семантическому объёму и реализуется [8]:

- 1) специальным лексико-грамматическим классом слов;
- 2) введением специальных модальных частиц, например, для выражения неуверенности (*вроде*), предположения (*разве что*), недостоверности (*якобы*), удивления (*ну и*), опасения (*чего доброго*) и др.:

3) при помощи междометий (*ах!*, *ой-ой-ой!*, *увы* и др.);

4) специальными интонационными средствами для акцентирования удивления, сомнения, уверенности, недоверия, протеста, иронии и других эмоционально-экспрессивных оттенков субъективного отношения к сообщаемому;

5) при помощи порядка слов, например, вынесением главного члена предложения в начало для выражения отрицательного отношения, иронического отрицания:

– *Станет он тебя слушать!*

– *Хорош друг!*

6) специальными конструкциями – специализированной структурной схемой предложения или схемой построения его компонентов, например:

– *Нет, чтобы подождать* (для выражения сожаления по поводу чего-либо неосуществившегося);

– *Она возьми и скажи* (для выражения неподготовленности, внезапности действия) и др.

Остановимся на рассмотрении перевода имплицитных средств отрицания как выражения субъективной модальности.

Актуальность исследования обусловлена следующими соображениями:

1. Отрицание и модальность являются неотъемлемыми компонентами акта коммуникации.

2. Отправной точкой является мысль Ш. Балли, что в любом высказывании содержится отношение противоречия. Данный факт конституирует отрицание, которое в имплицитной форме присутствует в фативном (контактоустанавливающем), стилистическом и прагматическом аспектах [6].

3. Отрицание и модальность являются языковыми категориями, поведение которых при взаимодействии оказывается «непредсказуемым». Исследованию отдельных вопросов «непредсказуемости» посвящена работа Г. Раддена [4].

В английском языке помимо известных экспликаторов отрицания (отрицательные аффиксы, наречия, частицы и т. д.), есть ряд других, которые формируют значение отрицания опосредованно. Во многих языках можно зафиксировать лексику, которая хоть и не содержит специальных формальных средств выражения отрицания, но является по своей семантике отрицательной. Одним из первых изучать имплицитное содержание высказывания начал Г.П. Грайс. Импликатурой учёный называл небуквальные аспекты значения и смысла, которые определяются непосредственно конвенциональной структурой языковых выражений (языковым кодом). То есть то, что подразумевается, на что намекается [9].

Классическими примерами лексем с имплицитным отрицанием являются английские глаголы *to fail* «не сделать», *to lack* «не хватать» и др.:

– *He failed to appear.*

Л. Карттунен характеризует английские глаголы *forget* «забыть», *neglect* «пренебрегать», *avoid* «избегать», *refrain* «воздерживаться» как отрицательные импликативы [10, с. 313]. Подобные глаголы есть, по мнению В. Бондаренко, во всех языках [1, с. 103]:

Ср.: нем.: *Er weigerte sich daran teilzunehmen.*

Рус.: Он **отказался** принимать в этом участие.

Имплицитное отрицание не исчерпывается лексической реализацией. Значительно продуктивнее в прагматическом плане его действие на уровне целого предложения, а также единиц, крупнее предложения – микро- и макротекста.

Одной из разновидностей такого имплицитного отрицания являются косвенные речевые акты, чья отрицательная функция отличается от прямой, вытекает из непосредственного содержания высказывания [11, с. 44]. Потребность в таких высказываниях обусловлена рядом коммуникативных факторов, когда прямое эксплицитное выражение мысли, воли, желания является нежелательным или неэффективным.

Косвенные речевые акты, несущие отрицание, можно условно разделить на контекстуально зависимые и независимые. Различие между контекстуально зависимыми и независимыми косвенными речевыми актами заключается в том, что первые способны реализовать отрицание только при определенных контекстуальных условиях, вне контекста они не несут отрицательного смысла:

- Рус.: – Ты зайдешь за мной?
– У меня сегодня много работы.
Нем.: – *Kannst du mir dieses Buch ausleihen?*
– Ich brauche es.

В приведенных примерах ответ на вопрос не содержит отрицательной информации. Однако из контекста понятно, что она отрицательная. Очевидно, что формируется такое отрицание не из суммы лексических значений слов, которые составляют предложение, а за счет ситуативной компетенции говорящего и слушающего, а именно экстралингвистической действительности.

Главной причиной такой семантической компрессии является, очевидно, принцип экономии языковых средств, который особенно эффективно срабатывает в диалогическом тексте [12, с. 21].

В этом смысле особо интересным представляется интервью как жанр публицистики. Именно этот функциональный стиль тесно связан с жизнью социума, а публицистика – это средство давления на его сознание.

Следующий пример – интервью с известным и самым богатым из ныне живущих художников Дэвменом Хёрстом. Его экстравагантность и тягу к провокации или обожают, или ненавидят, но в мире искусства это никого не оставляет равнодушным. Животные в формалине, череп покрытый бриллиантами – тема смерти присутствует во всех его произведениях, за которые коллекционеры готовы платить сумасшедшие деньги:

АИТ: – *Death is a recurrent theme in your work. Are you afraid of dying, or is it just a fascination?*

– *I'm looking forward to it!*

РП: *Я с нетерпением жду ее!*

ФП: *Je l'attends avec impatience!*

НП: *Ich freue mich schon darauf!* [13]

Во всех случаях перевода сохранена **эксплицитная формула** оригинала. Очевидно, что данный факт вызван стремлением переводчика сохранить **имплицитность оригинала**. В данном случае наблюдается ироническая модальность, построенная на двойной референции «смерти». Контекст является тем необходимым указательным минимумом, в пределах которого реализуется имплицитное отрицание.

В переводоведении известны два полюса моделирования диалога: от стремления калькировать иноязычную фразу (стратегия Шлейермахера или стратегия «отстранения») до слишком вольного ее толкования (стратегия Горация). Как правило, структурные перестройки в переводе сопровождаются **лексическими преобразованиями**, которые вписываются в разговорную тональность речи. Перестановки членов предложения и изменения в пунктуационном рисунке фразы сочетаются с самыми разнообразными приемами:

Moi, vivre à la campagne! – Чтобы я прозябала в деревне? (транспозиция восклицательного предложения в вопросительное, конкретизация глагола **vivre** «жить», добавление союзного слова «чтобы»)

Vous n'allez pas recommencer, hein! – Вы опять начинаете? (транспозиция восклицательного предложения в вопросительное, антонимический перевод)

Mais moi, je n'en sais rien! – Почему я знаю? (синтаксическая транспозиция, опущение союза и местоимений, антонимический перевод)

Стремясь сохранить разговорный потенциал и речевую экспрессию, переводчики нередко прибегают к **добавлению** усилительных частиц и других экспрессивно-разговорных речевых элементов, например:

Mais il est malade! – Но он же болен!

Подобного рода добавления служат своего рода индикаторами прагматической сложности высказывания, передавая удивление, возмущение и другие имплицитные субъективно-модальные значения.

Отход переводчика от контекстуально обусловленного перевода и игнорирование разговорной доминанты текста может привести к значительным потерям. В качестве отрицательных примеров передачи разговорной речи в переводе можно привести неоправданную (чрезмерную) экспрессивизацию текста:

Vous pardonnez quoi ? – Простить? Вас? За что? (F. Sagan)

Quoi! Un chien qui se noie! – Ну и дела! Да где же это видано, чтобы собаки тонули!
(B. Clavel)

Mais aussi, vous lui en avez trop parlé – Вы тоже хороши! Сами же наговорили ему с три короба! (M. Pagnol)

В каждом речевом акте осуществляется реализация намерений говорящего различными способами. Но безусловно одно: как только речь заходит об имплицитном отрицании, сразу возникает **проблема целостного преобразования**, которое, как известно, является одной из разновидностей модуляции. И, следовательно, областью решения **незаконмерных соответствий**.

Среди имплицитных способов выражения прагматического содержания большое значение имеет взаимосвязь единиц текста, который раскрывает скрытый смысл коммуникативной направленности. Обратимся ещё к одному примеру:

– *Very well, Wonka, he said importantly, taking out a wallet full of money, how much d'you want for one of these crazy squirrels?*

– *Name your price.*

– *She can't have one, Mr. Wonka answered [14].*

– *Да, Вонка, – солидно сказал он, вытаскивая набитый деньгами кошелёк, – сколько хотите за свою бешеную белку?*

– *Назовите цену.*

– *Они не продаются, – ответил мистер Вонка. – Ей белка не достанется [15].*

В этом случае адресат избегает прямого отказа. Реплика содержит не ответ на вопрос, а результат отказа – «She can't have one». Переводческая проблема продиктована выбором: сохранить «верность» оригиналу или пойти навстречу нормам принимающей культуры. Переводчик прибегает к метонимическому переносу, а именно **приёму смыслового развития** (замена процесса его следствием): «они (белки) не продаются» и, как следствие, «ей не достанется». Очевидно, переводческое решение продиктовано стремлением переводчика сохранить прагматическое намерение автора. В этом контексте такая интерпретация представляется достаточно уместной.

Имплицитное отрицание может быть представлено целым рядом стилистических явлений, наиболее известными и тщательно исследованными из которых являются антиклимакс, ирония, парадокс, оксюморон. Но имплицитное отрицание выходит за пределы этих средств. Особое место в этом смысле принадлежит **эффекту обманутого ожидания** [16]. Эффект обманутого ожидания возникает на основе взаимодействия двух противоположных явлений психолингвистического характера – предсказуемости и непредсказуемости.

В следующем отрывке из романа Джойса Кэри автор рассказывает о Коуки, с которой опасно иметь дело и которая может первой нанести удар. Тем не менее Джимсон (главный герой) считает ее лучшим другом.

I made a run at her (Coker), but she lifted her fist. So I thought better of it and took a walk across the room. And I forgot my wrath that's the advantage of Cokey. She is dangerous. If you hit at her, she'll hit you first and harder. So that you don't lose your temper with her. It isn't safe. The best friend I ever had [17].

Я кинулся на нее, но она подняла кулак, и я одумался. Ушел от греха в другой конец комнаты. Злости как не бывало. В этом преимущество Коуки. С ней шутки плохи. Если на нее замахнешься, она ударит первая, и пребольно. Поэтому, когда имеешь с ней дело, держишь себя в руках. Так безопаснее. Лучшего друга у меня не было [18].

Заключительная реплика *The best friend I ever had* не вписывается с точки зрения здравого смысла в ряд *she lifted her fist; she is dangerous; she'll hit you first and harder; it isn't safe*, что и является эффектом обманутого ожидания. Автор иронично отзывается о Коуки, и лучшим другом Джимсон называет ее не потому, что она во всем помогает ему, а потому, что своим поведением она способствует сдерживанию его негативных эмоций. Эффект обманутого ожидания присутствует там, где есть антитеза. Таким образом, антитеза **the best friend :: she lifted her fist; the best friend :: dangerous, hit you first and harder, It isn't safe** служит средством создания ироничного фона, в котором существование лучшего друга ставится под сомнение, и **the best friend** приобретает скорее отрицательную коннотацию.

Выводы:

1. Возможности реализации отрицания не ограничиваются эксплицитным единичами. Отрицание может актуализироваться скрыто, посредством неспециализированных языковых средств, и на уровне лексемы, и на уровне целого предложения.

2. Соответствующий контекст является обязательным условием реализации имплицитного отрицания. Главными факторами имплицитного отрицания на уровне высказывания есть соответствующие синтаксическая структура, интонация и лексический материал.

3. Двойственная природа имплицитного отрицания служит источником переводческих проблем. Чтобы передать имплицитное отрицание в переводе важно сохранить эксплицитную формулу оригинала. Другими словами, проблема перевода имплицитного отрицания состоит в соблазне его эксплицитировать.

4. Проблематика перевода имплицитного отрицания не сводится к понятию «антонимический перевод», другими словами, не является сферой действия закономерных соответствий. Сплошь и рядом переводчик вынужден прибегать к модуляции.

5. Субъективная модальность открывает широкие возможности для прагматической интерпретации высказывания, предполагающей обращение к контексту, ситуации общения.

Список использованной литературы

1. Бондаренко В.Н. Отрицание как логико-грамматическая категория / В.Н. Бондаренко. – М.: Наука, 1983. – 211 с.

2. Cormack Annabel. Modals and negation in English. In Sjeff Barbiers, Frits Beukema & Wim van der Wurff (eds.). Modality and its interaction with the verbal system / Annabel Cormack, Neil Smith. – Benjamins, 2002. – P. 133–163.

3. De Haan Ferdinand. The interaction of modality and negation. Outstanding Dissertations in Linguistics / De Haan Ferdinand. – New York and London: Garland Publishing, 1997. – 285 p.

4. Günter Radden, René Dirven. Cognitive English grammar / Günter Radden, René Dirven. – New York: John Benjamins B. V., 2007 – 374 p.

5. Palmer F.R. Modality and the English modals / F.R. Palmer. – London, New York: Longman, 1995. – 1996 p.

6. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М.: Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.

7. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – 7-е изд. – М.: Учпедгиз., 1956. – 511 с.

8. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.

9. Грайс Г.П. Логика и речевое общение / Г.П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 16. Лингвистическая прагматика / общ. ред. Е.В. Падучевой. – М., 1975. – С. 220–234.

10. Karttunen L. Implicative verbs / L. Karttunen // Language. – 1971. – № 2. – Vol. 47. – P. 313–340.

11. Серль Дж.Р. Косвенные речевые акты / Дж.Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986. – Вып. XVII.

12. Формановская Н.И. О коммуникативно-семантических группах и интенциональной семантике их единиц / Н.И. Формановская // Языковое общение и его единицы: сб. ст. – Калинин: Изд-во Калин. гос. ун-та, 1986. – С. 18–27.

13. Подборка новостей «Евроньюс». – Режим доступа: <http://ru.euronews.net/>

14. Roald Dahl. Charlie and Chocolate factory / Dahl Roald. – Penguin UK, 1964. – 176 p.

15. Дал Р. Чарли и шоколадная фабрика: Сказочная повесть / Р. Дал. – М.: Радуга, 1991. – 104 с.

16. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка / И.В. Арнольд. – Л.: Просвещение, 1981. – 295 с.

17. Cary J. The Horse's mouth / J. Cary. – NYRB: Classics, 1999. – 432 p.

18. Кери Дж. Из первых рук / Дж. Кери. – Л.: Худож. лит., 1971. – 381 с.

У статті розглядаються основні засоби вираження імпліцитного заперечення та умови його експлікації.

Ключові слова: заперечення, імпліцитне заперечення, модальність, суб'єктивна модальність, контекст, комунікація, мовленнєві аспекти, експлікація.

The article investigates main means of implicit negation and conditions of its explication.

Key words: negation, implicit negation, modality, subjective modality, context, communication, speech acts, explication.

Надійшло до редакції 12.07.2011.